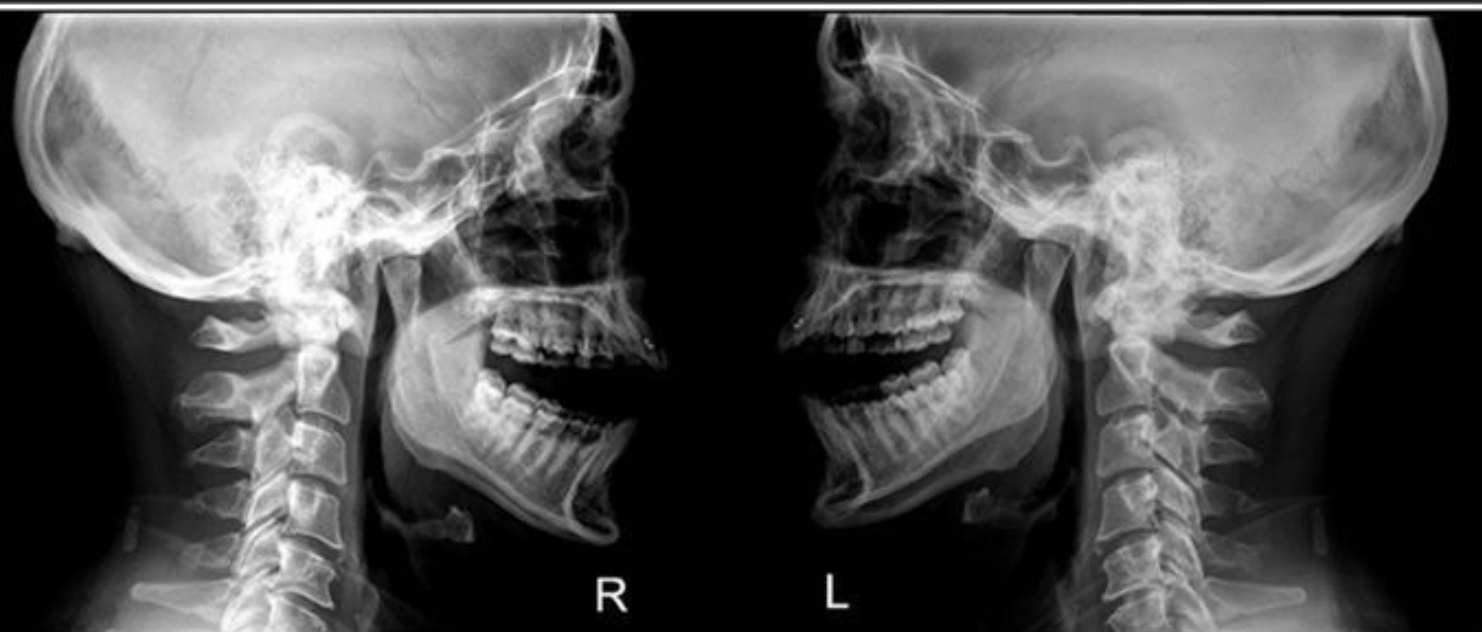

18+ Ольга Шипилова

Санитарная зона

Ольга Шипилова
Санитарная зона

«Издательские решения»

Шипилова О.

Санитарная зона / О. Шипилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530871-9

Журналистка Алиса, ведущая расследование о незаконном изъятии человеческих органов, попадает в клинику, о которой готовила скандальную статью. Сначала она пациентка, потом сотрудник. Перед глазами Алисы развернутся жуткие картины. Но насколько они правдивы? Ведь девушка страдает биполярным расстройством...

ISBN 978-5-00-530871-9

© Шипилова О.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Санитарная зона

Ольга Шипилова

© Ольга Шипилова, 2021

ISBN 978-5-0053-0871-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Медицина – это любовь,
иначе она ничего не стоит
Поль де Крюи*

Пролог

Женщина лежала на кушетке в правом холодном углу блока интенсивной терапии. Ее опухшие вывернутые руки неестественно изогнулись, несогласно замерли над голубым дерматином кушетки, точно женщина долгое время отмахивалась ими от стаи стервятников, но, так и не справившись, поддалась, смирилась. Уставшие от борьбы черные пальцы все еще подрагивали, торчали безобразными буграми крупные локтевые суставы. Обиженно молчали погасшие аппараты. По коже ног ползали зеленые пятна, похожие на лишайники. Крупные трещины на восковых пятках все еще грустили о теплой земле, о первых всходах, не сумев до конца избавиться от тонких волосков трав и песчинок на них. Голова запрокинулась, рот приоткрылся, а глазные впадины кроваво зияли в равнодушный ко всему кусок белой плитки с отколотым краем. Сбившиеся волосы, слегка тронутые сединой, налипли на вспотевший лоб. Несколько еле заметных родинок взбегали на ввалившийся висок, недавно вздувшаяся на нем синяя лента вены мгновенно теряла форму, превращаясь в плоскую нарисованную линию. Это мог бы заметить каждый, если бы скомканная простынь не была брошена на лицо женщины. Грудь, обнаженная, неприкрытая, казалась еще живой, горячей, и если коснуться ее, требовательно потянуть, то из сосков, совершенно розовых, непременно брызнут, омоют собой и пол и стены, стерильные и оттого такие запятнано-бессовестные, кровь и молоко.

– Теперь грузим? – вопрос раздался со стороны блока, где запертые массивные двери хранили тело умершей от глаз еще живых.

– Теперь да! – ответил звонкий девичий голос, заглушая своей весенней, почти птичьей трелью, тихие шаги на лестнице за стеной, за темной нишей, за совсем другими дверями, умело спрятанными от любопытных двумя высокими металлическими шкафами с надписью «инвентарь».

Глава 1

Итак, я нашла в себе силы и смелость рассказать эту историю, пока отголоски ее еще живы, а в моем сознании не померкли дикие картины увиденного. Все началось в феврале этого года, ровно за три месяца до событий, о которых я хочу поведать. Попробую сделать это как можно красочнее, во всех подробностях, не упустить ни одной детали, ибо эти детали имеют первостепенное значение.

Меня зовут Алиса. Не так давно я работала журналистом в захудалой местной газетенке, редакция которой размещалась, впрочем, и сейчас продолжает размещаться, в центре города, на улице, где вековым, влажным напоминанием старины, облокотилось о бордюры наше вросшее в городскую, непривычную для него жизнь, здание. Улица всегда, сколько я себя на ней помню, была глухой и всеми позабытой. Зимой ее заметало непроходимым снегом, а летом она погружалась во тьму, создаваемую кронами старых каштанов. Наше здание, когда-то признанное памятником архитектуры, густо сорило штукатуркой на потрескавшийся от времени тротуар, вздыбившийся то там, то здесь усилиями корневых жил. Мы размещались на первом, загаженном кошками, этаже. И вывеска наша с робким названием «Крестьянская Зоренька», совершенно ничем не примечательная, могла лишь внимательному прохожему обстоятельно намекнуть, что дело наше весьма значимое, потому как освещаем мы количество надоев, произведенной сельскохозяйственной техники, посевных угодий, и территорий, отведенных для выпаса крупнорогатого скота. Никаким другим событиям наша газетенка внимания больше не уделяла. Хотя случилось одно некрасивое дело, после чего и началась вся эта странная история, о которой я взялась рассказать.

Наш главный редактор Аркадий Илларионович, за глаза – Крокодил, двадцать лет мечтал сделать «Зореньку» чуть ли не самым популярным изданием в городе, а может, и во всей области. Однако в силу своей подозрительности и страха пропустить в печать что-нибудь лишнее так и не решался. А лишним было все, что не касалось сельской жизни. Придя по распределению в «Зореньку» после университета, я планировала перевернуть ее с ног на голову и даже опусы на злободневные темы пописывала, неизменно в конце статьи знаменуя свое творение тремя заглавными буквами А. Л. И. – производное от Алисы. Каждый должен был найти в этом что-то для себя. Один – инициалы, другой – мужское имя, теперь уже такое популярное в нашем многоконфессиональном городе. При любой возможности, особенно если это касалось горячих новостей или эксклюзива, я старалась скрывать свое женское происхождение. Ибо еще со студенческой скамьи пришла к выводу: мужские излияния читатель уважает больше, нежели дамские, слезливые. Однако всем моим ночным стараниям с карандашом и скомканными бумажными листами свет удавалось увидеть не так уж часто. Вредный Крокодил качал головой и, причмокнув, говорил:

– Вот вы, Алиса Павловна, умный человек, светлая голова, а все же никак не хотите понять: это может навредить не только нашей деловой репутации, но и вам лично. Посему давайте оставим ваше журналистское расследование пока, акцентирую, пока, без читательского внимания. Пусть факты возымеют, так сказать, отыщут свою силу в долгом ящике нашей редакции до наступления лучших времен.

Времена менялись, но все никак лучшими не становились. А несколько месяцев назад дела нашей «Зореньки» пошли из рук вон плохо. И подозрительный ко всему Крокодил сдался, хотя дело было весьма рискованное. Тогда по многим причинам мне оно показалось высосанным из пальца, а вот Крокодил поверил и дал добро. Риск получился оправданным. «Зоренька» забралась в эпицентр общественного скандала, ее невозможно было достать ни в одном киоске города. Только после всего этого шума журналист А. Л. И. и еще один коллега-правдобо-

роец оказались уволенными Крокодилом легким росчерком позолоченной ручки, извлекаемой из черного бархатного футляра по особым случаям.

Был обед, у нас в редакции он длится с часу до двух. Мы с моим однокурсником, а заодно и коллегой, Толиком решили подкрепиться бутербродами с кофе. Толика я любила по-дружески, даже скорее по-матерински, но как корреспондент А. Л. И. не уважала. Толик был труслив. Не сразу, потом, когда приходилось нести ответственность за всякое написанное слово. Толик, не думая, брался за скользкие темы, но после, когда понимал, что острыми зубками своими ухватился за ноющее живое, впадал в истерию, без особых усилий мог броситься в бег. Однако, несмотря на повышенную осторожность, Толик слыл прирожденным гением. Небеса наделили его великим даром: он легко писал, слово текло из него ручьем, разливалось, искрилось, получало объем и форму, убедительно вливалось в душу любому напрямую столкнувшемуся с ним. Даже если читатель мельком, от скуки просматривал «Зореньку», всегда останавливался на статьях, почти сказочных, о сельскохозяйственной технике и бычках-производителях, подготовленных ни кем иным, как Толиком. Этому я всегда завидовала. По-доброму. Из Толика получился бы отличный фантаст, но только никак не журналист. Человеком он был мягким, впечатлительным и очень ранимым. Поэтому так легко, не думая о последствиях, воодушевился историей женщины, постучавшейся к нам в редакцию именно в обеденное время. Она была заплакана, прямо с порога начала нести вздор о каких-то органах, неучтенных трупах и погибшей дочери, ставшей жертвой медицинского сговора. Нам бы поддержать тогда ее добрым участливым словом и аккуратно проводить из здания, но добродушный Толик пододвинул кресло под самые ее ватные колени и принялся заинтересованно слушать, дожевывая второй бутерброд всухомятку.

В эту историю я не верила. Понимала: человек потерял взрослого ребенка, девушка умерла в больнице, не приходя в сознание. Умерла одна, среди чужих людей, среди белых халатов. Мать ищет виноватых. Ей сейчас это нужно как воздух, иначе она потеряется, забудет, для чего живет, не найдет смысла для своего существования. Люди так устроены, им нужно кого-то винить: или Бога или врачей. Врачи виновны лишь в том, что берутся спорить с небесами. Но если хорошо подумать, они же не силой нас затаскивают в реанимации и больничные палаты. Мы сами зовем их, как последнюю надежду, когда небеса замолкают, теряя голоса жизни, и только набат тяжело бьет, отсчитывая последние удары нашего сердца. Мы всегда хотим жить. Сами кличем к себе эти халаты, которых боимся с раннего детства лишь для того, чтобы потом так жалко и безнадежно умереть не в кругу семьи, а среди них, пахнущих хлоркой, камфорой и болью.

Я посмотрела на Толика. Глаза его влажно блестели, мне показалось, что он плакал. Плакал молча, с куском хлеба во рту. Его худое нервное лицо стало меловым, тоненькие губы дрожали, несколько крошек прилипло к ним. В эту секунду он был трогательным и бестактным, потому что ел, продолжал жевать, будто перед ним был не человек, а экран телевизора. И мне вдруг сделалось жаль его. Он верил. Маленький беззащитный гений верил этой потрепанной жизнью женщине. Мне нестерпимо, до зуда в костях, захотелось ему помочь. Может не мне, Алисе, а пронизательному, хваткому А. Л. И., который приловчился еще в студенчестве высасывать из ручек, пальцев и карандашей шедевры. Мы с Толиком, блестящие выпускники журфака, десять лет просидевшие без серьезного дела в «Зореньке», решились взяться за свое собственное совместное расследование, которое Толик считал сенсацией, а я – фантастической выдумкой, которую можно завернуть в блестящую обертку и выдать за сенсацию.

Мы договорились встретиться в кафе с этой женщиной на следующий день, чтобы узнать все детали и подробности. Толик заказал для нее кофе. Она не отказалась, но и не согласилась. По ее щекам, как и накануне в редакции, текли слезы. Я видела, что она не в себе, нуждается в помощи специалистов, но все равно продолжала слушать, пытаясь делать записи в блокноте. Временами женщина останавливала сама себя, погружалась в память, где дочь еще жива, где

она ходит в школу, в музыкальный кружок, спешит на первое свидание. И на губах матери появлялась еле заметная улыбка, словно не было никакого горя, оно никогда не войдет в ее дом, никогда не случится. А я почему-то, глядя на нее, думала о своей соседке с четвертого этажа Тамаре Степановне. У той никогда не было детей, только собака колли, по кличке Джесс. Тамара Степановна, когда брала себе псину, забыла дома очки. Целую неделю она была убеждена, что шаровидное, узкоглазое существо на лохматых ножках – девочка, оказалось – парень, имя Джессика стало Джессом. Так и живут они вместе уже двенадцать лет, оба старые, добрые, но никак не одинокие. Что лучше? Кто из этих двух женщин счастливее или несчастнее? Та, которая постигла материнство и потом потеряла своего ребенка, или та, которая его никогда не знала, но считает себя истинной матерью Джесса, именуемого не иначе, как сынок?! Я тоже любила Джесса. Люблю и гуляю с ним часто, когда Тамаре Степановне нездоровится.

Вспомнив чайные умные глаза, тонкую шерсть, соболиный окрас, я улыбнулась. Потом спохватилась: передо мной текла рекой исповедь человеческой утраты, а я мысли свои адресовала собаке. Сделав над собой усилие, я привела чувства в порядок и погрузилась, насколько это было возможно, в омут материнских страданий. Ровно два года назад ее дочь пришла с работы чуть шатаясь. Она, мать, подумала, что дочка пьяна. Чего не бывает в двадцать восемь? Мужа нет, а девочка выросла. Давно пора, чтобы все, как у всех. В два ночи женщина проснулась. Дочь мычала, металась в бреду на кровати. Вызвала «скорую». Забрали. Ни куда-нибудь, а в лучшую клинику города. Реанимация. Диагноза нет. Подозрение на инсульт. Нужны хорошие лекарства, как назло, в клинике их не оказалось. Мать отправили за лекарствами в дежурную аптеку. Спустя двадцать минут после ее ухода дочь скончалась. Трагедия. Врачи уверяли, что мозг умер еще в «скорой», а женщина клялась, что слышала, когда ее девочку увозили в реанимацию, она трижды назвала ее мамой. Потом – вскрытие: что-то не так с органами, путаница в анализах крови и мочи. Мы писали статью. Она получалась убедительной, хотя и строилась только на информации, полученной нами от несчастной матери. Я продолжала не верить. Провели свое собственное расследование. Узнали о документе внутреннего пользования, который никто никогда не видел, выслушали санитаров. Действительно, многое не сходилось, но не настолько, чтобы обвинить медицинское учреждение и врачей в черном сговоре. Зато верил наш Крокодил, скорее пытался верить. Это я сейчас так думаю, проанализировав холодной головой всего его действия. Крокодилу нужны были «жареные факты». Он подписал статью в печать не глядя. Дело черных трансплантологов! Нет, я не верила. Все это невозможно в нашем городе, в нашей стране – городские легенды. Девушка умерла два года назад, молодые умирают, этим теперь никого не удивишь. Да, мать страдает, она никогда не смирится. Но это жизнь, обычная наша жизнь, она не бывает без смерти.

Следственный комитет провел проверку: вина врачей и клиники не установлена. Возможно, что-то напутал патологоанатом, неверно взяла анализы реанимационная медсестра, их обоих уже уволили. Ночное дежурство, люди работают на износ. Я писала эту статью вместе с Толиком, и я подписывала ее вместе с ним. Шума вышло много. Но ни одного факта, кроме записей в истории болезни, которые не сходились, и свидетельств обезумевшей матери. Когда, наконец, запахло долгожданными «жареными фактами», а вслед за смердящим душком возникла необходимость писать опровержение, наш Крокодил умыл руки. Виноватыми сделали меня и Толика.

Рейтинги «Зореньки», о которых она раньше и мечтать не могла, взлетели, а мы с Толиком вылетели. Толик, боявшийся потерять работу еще с детского садика, едва не покончил с собой. Мы понимали, после сего скандала нам достался волчий билет. Провизжав на балконе моего пятого этажа всю ночь, утром Толик погрузился в поиски чего-то нового посредством интернета и дорогого, купленного в рассрочку, ноутбука. Вечером того же дня он завербовался, боюсь даже сказать куда, и уехал, по его словам, в зону боевых действий, где его точно искать не будут, а если и найдут, то не его.

Оставшись одна, я поняла всю тяжесть ситуации, в которой оказалась. «Зоренька» забрала мое будущее и мои надежды. Почти неделю я провела в своей квартире, жалея себя и казня за то, что ввязалась в аферу, предложенную Толиком. В одну из бессонных ночей, я так сильно себя ругала, что почувствовала, как сердце сначала юркнуло в область кишок, а потом, резко вернувшись на место, залилось горячим свинцом. Это был сердечный приступ. С трудом дотянувшись до телефона, я сделала последнее, что могло бы сохранить мне жизнь. В четыре утра меня доставили на «скорой» в самую лучшую клинику. О, ужас, в ту самую клинику, о которой мы писали! Если бы можно было облить себя бензином и поджечь прямо в машине скорой помощи, я сделала бы это, не задумываясь, невзирая на то, что у меня подозрение на инфаркт. Настолько невыносимым и распирающим сделалось чувство стыда. Но мне вонзили толстенную иглу в правую руку, и поджигать себя я больше не хотела. Стало очень хорошо, тяготы отступили, и я забылась крепким безмятежным сном.

Глава 2

Утром я проснулась с тяжелой головой. Немного осмотревшись, поняла, что нахожусь в больничной палате. Правда, палатой назвать ее было сложно: помещение больше походило на гостиничный номер. Кремовые стены пахли свежей краской, не сильно, еле ощутимо. В небольшом коридорчике, отделяющем палату от больничной суеты, тарахтел холодильник, на нем стояли графин с водой и два граненых стакана. У входа в ванную комнату висело овальное зеркало, обрамленное тяжелой оправой. Рядом с моей кроватью стояла пустая тумбочка, напротив – еще одна кровать, застланная, свежая от хрустящего белья, с такой же приветливой, но совершенно безжизненной тумбочкой. В висках ломило, а внутри впервые за последнее время царил удивительная тишина, безмятежный покой. Мне было счастливо, как в детстве, этого чувства я так давно не испытывала. Последних лет пятнадцать меня неустанно при пробуждении мучили непонятный страх и беспокойство, я списывала все на специфическое мировосприятие творческой личности, если можно журналистов причислить к таковым. Но, как бы там ни было, прежде чем поднять свое изъеденное ночными журналистскими потугами тело, мне приходилось не меньше тридцати минут покоиться в постели, чтобы привести чувства и мысли в порядок. Были такие утренние часы, о которых мне вовсе не хочется вспоминать. Случалось, что мне казалось, будто вся вселенская тоска вползла в мою худосочную, совсем не женскую грудь, и думалось мне в такие моменты, что лучше умереть, нежели жить. (Правда, после всей этой истории, о которой я пишу, моя боль только усилилась, и я не знаю, как смогу продолжать свое земное существование...)

Но в это солнечное утро все было иначе. Я легко поднялась, сердце немного тянуло, точно к нему пришили что-то тяжелое. На мне была казенная сорочка с оборками, она пахла хлорированной казенной чистотой. Внизу, у самых коленей, виднелась лиловая прямоугольная печать. А под кроватью стояла «утка», она же – судно. Мне стало жаль себя. Чуть больше тридцати, а утка – как у престарелой бабушки. Но я подняла жалюзи и увидела пейзаж за окном. Думать о всяких глупостях моментально расхотелось. Под окном веселилась мать-и-мачеха, желтая как солнце; позеленевшие сосны, рвались к синему небу, толстыми стволами своими цепляясь за мой карниз первого больничного этажа; робкие облака тонули в их распушившихся кронах, вечных, смолистых и таких ароматных. Я ударила по белоснежной ручке оконной пластиковой рамы, она распахнулась: сначала звук, потом свет, а за ними запахи контузили меня. Да, да, именно контузили. Я не заметила, не могла заметить, как в наш город на цыпочках вошла весна. Где же были мои глаза, куда они только смотрели? Это мое самое любимое время, я родилась весной! Какой сейчас месяц? Кажется, март, его конец, день рождение в мае. Я выдохнула. В голове за последнее время накопился мусор, и вот сейчас, свесившись всей своей Алисой из окна, я расставалась с ним: без жалости, без сожаления. Болезнь словно омыла меня. Сделала чистой, первозданной. И пусть сердце продолжало тянуть, готовое опрокинуть меня, как жука, на спину, стянув при этом с подоконника на теплую землю. Мне не было страшно, я соглашалась на капризы моей самой сильной мышцы в организме. Более того теперь я как будто никому ничего не должна. Какие претензии, какие сфабрикованные факты, если я больна, почти умираю?! Пусть все катятся к черту!

Я высунула язык. Подставила его солнцу. Теперь я ничем не отличалась от Джесса. Он тоже так делает. Разве я не могу позволить себе быть хоть немного, хоть совсем чуть-чуть счастливой? Впервые со школьных лет. Не пряча язык, прищурившись, я увидела сосновые ветки. Совсем скоро они зацветут. На одних побегах появятся красные шишки – женские, на других – желтые, собранные в соцветия – мужские. «Ага, – вспомнила я курс биологии, – семена крылатые, с твердой оболочкой в виде орешка, в зародыше может быть от четырех до пятнадцати семян». Точно! Как давно все это было! За журналистскими расследованиями и делами

«Зореньки» вовсе позабыла о своей страсти с раннего детства – биологии. В голову, в лобную ее часть, начали медленно втекать схороненные знания, будто в мозге очнулся сломавшийся ржавый механизм. Дернулось в переносице, закололо в висках, посыпались искры спрятанной до срока в коре полушарий и подкорковом гиппокампе информации. Перед глазами возникли тетрадные исписанные листочки, Законы Менделя, строение РНК и ДНК, дрейф генов. Появился из и прошлого портрет Линнея, такой любимый в юности, его видовые эпитеты. И мне вдруг так резко, так обжигающе больно стало ясно, что я много лет занималась вовсе не своим делом. Я вспомнила себя маленькую: о чем мечтала, чего ждала, во что верила. Я же хотела быть научным работником, нет, исследователем, открыть что-то из области вирусологии, найти лекарство от старости, спасти человечество от гриппа и еще, кажется, я хотела лечить людей. Это уже потом, в десятом классе, почему-то решила, что журналистика – мое, ведь целых четыре года я была главным редактором школьной газеты. Мне пели хвалебные оды учителя, и я вдруг поняла: лечить можно не только таблетками, но еще и словом. А вон как все вышло! Мы с Толиком ранили людей, причинили им боль. Вспомнив о Толике, о вчерашней ночи, снова подурнело, резануло в груди, подступили слезы, хотя я никогда не была склонна к сентиментальности.

Не знаю, куда бы увели меня печальные мысли, и довели бы они до нового сердечного приступа, но в дверях что-то громыхнуло. Я быстро вылезла из окна, обернулось. В палату без стука вползала металлическая каталка на колесиках, над ней висело дурманящее паровое облако, позвякивали крышечки на огромных кастрюлях. А над кастрюлями пытело раскрасневшееся лицо невысокой женщины в белом чепчике.

– Завтрак, – коротко произнесла она, не отрывая глаз от кастрюль.

Я села на кровати, точно это короткое слово было приказом сесть. Но женщина подняла на меня свои красивые синие глаза и улыбнулась:

– Кушать хотите? Сегодня у нас пшенная каша с тефтелями и чай.

О небеса, это было волшебством! Когда в последний раз я ела полноценный завтрак, да еще такой?! Родители и брат живут в другом городе, обо мне много лет никто так не заботился, как она, вошедшая ангелом в чепчике. Что я вообще ела за все эти годы своей самостоятельной жизни? Бутерброды, которые носили по очереди с Толик в редакцию, картошку фри в ресторане быстрого питания за углом дома, салат «Мимозу» из гастронома да воскресные пироги с капустой моей соседки Тамары Степановны. А здесь: каша, тефтели – песня, звучание, мелодия.

Улыбаясь, должно быть очень глупо, я кивнула и проглотила слюну. Женщина в чепчике взяла тарелку, смахнула ловко с кастрюли крышку – и я обомлела. На моей тумбочке, совсем пустой, ибо я не взяла с собой ни одной вещи, кроме мобильного телефона, появилось дымящееся чудо. Желтая ароматная каша, поверх которой медленно растекалась, таяла густая подливка, а рядом дышали жарко мясным свежим духом две паровые тефтели.

– Вилочка, – сказала женщина и протянула мне прибор, – сейчас чаю налью, и булочка ваша, держите.

Я задыхалась от счастья. Взяв вилку в руку, я коснулась тефтелей, они были податливыми, сочными. Потом отломил кусочек булочки – внутри изюм.

Женщина в чепчике стояла, забывшись о своей каталке на колесиках, и смотрела нежно на меня. Ее руки в перчатках взмокли, покраснели, она сложила их на груди.

– Хотите? – вдруг очнулась я, вспомнив, что некрасиво вот так эгоистично проглатывать еду в одиночку, и протянула той надломленную булочку.

– Нет, что вы, – замахала она на меня руками, у нас этого добра... – и, не закончив фразу, снова склонилась над кастрюлями, будто ей не было никакого дела ни до меня, ни до моей булочки.

Громыхнула каталка, скрипнули колесики, мелькнул в дверях белый чепчик, оставляя после себя в палате лишь дух только что принесенной еды. Я вернула булочку на тумбочку и начала проглатывать кашу. Ничего вкуснее я никогда не ела, разве что воскресные пироги Тамары Степановны.

Ровно в одиннадцать был обход. В дверь постучали, кротко и тактично.

– Да, да, – ответила я и отодвинула в сторону посуду, которую успела вымыть сама в раковине здесь же в палате.

– Доброе утро! – тишину палаты растревожил мягкий бархатный голос, принадлежащий высокому молодому доктору в безупречно белом халате. Курчавые вьющиеся волосы, смуглая кожа, стетоскоп на груди, в руках папка. Это был мой лечащий врач, кардиолог. Я догадалась интуитивно, журналистская чуйка, нюх – как выразался наш Крокодил. Доктор обвел одними глазами помещение и хлопнул папкой себя по бедру:

– Вот лентяйки, скоро полдень, а посуда все еще в палате пациентки!

– Не ругайтесь, – встрепенулась я, – я все вымыла, посуда не мешает!

– Запрещаю!

– Что? – не поняла я.

Доктор опустил глаза, заглянул в папку. Должно быть, он не помнил, а может, не знал, как меня зовут.

– Запрещаю вам, Алиса Павловна, любой физический труд, всякие нагрузки, кроме лечебной физкультуры! Только отдых, только положительные эмоции.

– Да мне не тяжело, – под его напором я начала мямлить.

– Понимаю, только не стоит делать работу за других. Особенно после тяжелых часов в реанимационном отделении.

Я не знала, о чем он говорит. Реанимация? Я была в реанимации? Но когда?

Доктор уловил мое немое возмущение. Нахмурил густые брови.

– Вы ничего не помните, это все лекарства, за вами пришлось понаблюдать в реанимационном блоке. Несколько часов вы провели под зорким взглядом нашего реаниматолога, потом, когда угроза жизни миновала, были переведены в эту палату. Вы журналист, не так ли?

«О боже, он все знает! – мое сердце стучало в горле, сейчас я его изрыгну! Но откуда? Какой стыд!»

Доктор точно прочел мои мысли:

– В беспамятстве вы бубнили что-то о газете, статьях и главном редакторе. Дежурная медсестра сидела с вами рядом. Алиса Павловна, вам не стоит беспокоиться, сейчас все хорошо. Мое личное мнение, что всему виной алкоголь и большое эмоциональное напряжение...

– Алкоголь? – я шептала, голос покинул меня.

– Да, алкоголь и негативные эмоции! – доктор покачал головой, словно я была нашкодившим ребенком.

«Точно, накануне я пила, но не так много, чтобы угодить в реанимацию. Теперь и врачи и медсестры думают, что я спивающийся журналист!»

– Вам нечего стесняться, мы все понимаем, стресс, нервы, психосоматика...

«Психосоматика – какое хитрое слово! Слышала его тысячу раз, но до сих пор не знаю, что оно значит».

– Я сейчас вас послушаю! – доктор коснулся дужки стетоскопа и сделал уверенный шаг к кровати, на которой я все это время сидела.

Я сжалась, щеки тут же стали горячими. Мне было стыдно. Очень-очень стыдно. Пришлось задрать сорочку, под ней – ничего. А еще это дурацкое дело, зачем только ввязалась в него?!

Доктор терпеливо дождался, когда я поборю смущение и буду готова к осмотру. Он безмолвствовал: не упрекал, не искал изъяны в моей профессии и в моем теле. Хорошие глаза его смотрели поверх моей макушки, туда, где за больничным окном нежилась на солнце мать-и-мачеха. Чуть прохладный стетоскоп ползал по коже, рождая сотни мурашек, бегущих вслед за ним. Теперь я все знала, будто пробудилась от долгого тяжелого сна: вот профессия, вот настоящее дело! А то, чем занимались мы с Толиком – фальшь, никому не нужные трюки со шляпой и бутафорским кроликом.

Выписав назначения, убедившись в стабильности моего сердца, доктор вышел из палаты так же кротко, как и вошел в нее. Оставшись наедине с собой, я все думала и думала, упершись лбом в оконное стекло, о смысле жизни, о человеческом предназначении в ней. И все сильнее убеждалась: писать статьи – это хобби, на которое способны многие, а помогать, лечить, вытаскивать из цепких лап болезни – это есть ни что иное, как человеческое начало в человеке, как дар, как уникальные способности, которые появляются лишь у терпеливых и усердных. Я настолько была увлечена своими мыслями, что даже не обратила внимания, как в мою палату без стука забежала вспотевшая рассерженная санитарка: громыхнули тарелочка и стаканчик, звякнула вилочка. Мне это было уже не интересно, я думала о том, что должна изменить сейчас в этом дне, чтобы завтра сделать лучше не только для себя, но и для тех, кто меня окружает.

После обеда приехала соседка Тамара Степановна, привезла все необходимые для пребывания в больнице вещи, хорошо, у нее был ключ от моей квартиры. Она торопилась, беспокоилась за Джесса, который остался один запертый. Тамара Степановна заполнила мою неживую тумбочку яблоками и апельсинами, после чего откланялась. Я умоляла соседку больше не приходить, жалко и ее, пожилую женщину, и скулящего в квартире старого пса. Попросила только поливать мой единственный цветок, подаренный братом на тридцатилетие, голубую фиалку, потому как в больнице я должна была провести не меньше двадцати дней, о чем было сообщено мне еще во время утреннего обхода.

Глава 3

Нахождение в больнице не было столь радужным, как могло мне показаться в первый день. Ежедневные уколы, капельницы, медицинские манипуляции, обследования заставили вернуться с небес на землю. Я снова начала погружаться в тяжелые мысли, от которых сердце протяжно ныло. Ночами я чувствовала, как моя аорта скручивается жгутом и горит. Аппетит покинул меня, никакие пшенки, перловки и котлеты на пару больше не возбуждали сознание. Ко мне никто не приходил. Я была совсем одна и, кажется к концу пятого дня, погрузилась в ступор. Я лежала на кровати, отвернувшись к стенке, и думала. Вся моя жизнь явила себя в виде одного сплошного бардака. Ничего серьезного, стоящего и значимого в ней не было. Выдающимся журналистом я не стала, семьи у меня нет, денег и работы тоже. Родители привыкли к самостоятельности своего взрослого ребенка и теперь уверены, что их дочь больше в них не нуждается. А просить о помощи я не научилась. В палату ко мне никого не подселяли, сначала это радовало, а потом заставило чувствовать себя одинокой. Раньше я не знала груза настоящего одиночества, никогда не задумывалась, что чувствуют люди, живущие в полной изоляции, где только стены и телевизор в роли единственного собеседника. Телевизора у меня не было, изолированность становилась невыносимой. Единственным спасением моим было окно, у которого я проводила весь день, если мои вены не протыкали иглы. Но и оно утомило меня: на фоне солнца, зеленой травы, птиц я еще острее ощущала тьму, которой была поглощена.

Мой доктор, кстати, зовут его Петром Алексеевичем, всякий раз придя на обход, выражал недовольство таким отношением к лечению. Его расстраивало мое унылое лицо, нетронутые тарелки с едой на тумбочке, неопрятный вид и полное ко всему безразличие. Но более всего Петр Алексеевич огорчался из-за капризного сердца, нежелающего выздоравливать.

– И все же психосоматика, Алиса Павловна, вам нужны положительные эмоции, посетители, подарки!

– Нет, – качала я головой, – мне никто не нужен!

К концу первой недели, проведенной в больнице, доктор усмотрел во мне все признаки надвигающейся депрессии и выписал направление к психотерапевту. Я сопротивлялась. Петр Алексеевич развел руки и строго сообщил, что, если я буду нарушать его рекомендации, то меня непременно переведут в неврологию, где палаты на шесть человек, а туалет на коридоре. Общий больничный туалет привел меня в ужас, посему в понедельник к двенадцати часам я плелась из отделения кардиологии в главный холл клиники.

На мне был спортивный костюм и китайские шлепанцы. Волосы я кое-как собрала в хвост, он заметно похудел, прежде вызывающий зависть, теперь свисал тонким рыжим шнурком. Оказавшись в холле, я почувствовала себя нищенкой. Моя одежда была здорово поношенной, а внешний вид походил на подростка, живущего на теплотрассе. Все это никак не вписывалось в интерьер клиники. На стенах широкого просторного холла в теплых песочных тонах висели яркие снимки сотрудников, их знаменовали красные надписи «Наша гордость». Мужчины и женщины на глянце под стеклом улыбочиво приветствовали своих посетителей. Чуть даль была ниша, в ней кубки, грамоты, благодарственные письма руководству. Я задержалась, рассматривая достижения современной медицины. Снова подкатило тошнотворное чувство вины. Мы же были здесь с Толиком в феврале, почему не обратили внимания на плюсы, выискивая во всем только минусы? Так халатно отнеслись к своему ремеслу! Забежали наспех в приемный покой, придирчиво оглядели медперсонал, ткнули в лица удостоверения. Пресса всюду имеет свое злое влияние, сотрудники обмякли, не спорили, робко давали пояснения. Потом мы дождались санитаров на втором этаже у дверей реанимации, куда нас, конечно же, не пустили. Снова удостоверения, снова испуг в глазах оппонентов. Заглянули в отдел ста-

тики. Из архива нам принесли историю болезни. Мы ее деловито листали. Никто ничего не запретил, не указал на закон и на двери. Мы были одержимы идеей, в которую верил только один из нас. Теперь я стояла перед грамотами и кубками беспомощная, с горящей внутри аортой и проклинала сама себя за бесстыдство. А сейчас без своей красной книжицы смогла бы так смело подскочить к врачам, медсестрам, санитарам, чтобы начать свою журналистскую пытку с пристрастием?! Да что мы вообще можем без бумажек дающих нам лживые вымышленные права!

Опустив голову, я прошла мимо дверей кафедры пропедевтики, толкнула стеклянную стену, вставшую у меня на пути, она с шорохом поехала в сторону, открывая для меня огромное овальное помещение. Здесь прогуливались люди. Пожилые мужчины, должно быть, отставные офицеры, холеные, гладко выбритые, пахнувшие одеколонами важно расхаживали по кругу, сами того не замечая, отрабатывали многолетние навыки в виде строевого шага. Их одежда, внешность принадлежали другому миру, о котором я мечтала, но никогда в нем не жила. Даже спортивные костюмы были из дорогих бутиков, завидных торговых марок, в которых отправлялась на олимпийские игры наша сборная по легкой атлетике. Встречались старушки в цветастых халатах, но и они имели куда лучшую наружность, нежели я с хвостом в китайских шлепанцах. Я заметила, что всего одна неделя, проведенная на больничной койке, изменила меня полностью. Раньше себя я не стеснялась. Свой стиль гордо именовала авангардным, по сторонам не смотрела. Теперь же, когда возникла необходимость менять свою жизнь, пришло осознание собственной никчемности.

Я преодолела метров сто и оказалась в оранжерее. Чудные растения под стеклянным потолком, в котором можно было рассмотреть облака и синее небо, обрамляли собой водоем. Не веря глазам, я медленно подошла к нему, там плескались золотые рыбки. Рядом стояли лавочки, на одной из них склонились над учебником два парня. Сначала я увидела смуглую кожу, затем толстую книгу патанатомии и иссиня-черные пряди почти у самых страниц. Я тоже мечтала о жгучих локонах. Немного принохавшись, мне удалось зацепить своими рецепторами пряный запах карри. Последовала догадка, что ребята принадлежат к студенчеству, чьи корни тянутся к нам из Индии. Напротив парней висел огромный телевизор, растянувшись во всю стену. Звук был выключен, но не составило сложностей понять, что обаятельная высокая девушка, открывая и закрывая рот, как рыба, пойманная на крючок, из последних сил пытается объяснить, а затем показать гимнастические упражнения для улучшения осанки. Увиденное мною вызвало восторг. Вот это здание! Здесь есть все, а я просидела целую неделю в палате, даже не думая отправиться на изучение окрестностей. Я осмотрелась, через оранжерею то и дело пробегали медсестры. Мне нравилась их одежда. Розовые халатики, белые тапочки. Кукольные лица. Должно быть, это счастье работать в таком месте, где есть живые рыбки, запахи цветущих растений, панорамный потолок. Не то что мы с Толиком, просидевшие десять лет в пыльном кабинете на сломанных стульях без перспектив и возможностей карьерного роста. Я вздохнула и поплелась дальше.

Чтобы попасть в кабинет психотерапевта, мне необходимо было обогнуть оранжерею, найти лестницу и подняться по ней на второй этаж. Немного поплутав, я, наконец, очутилась у кабинета с позолоченной табличкой.

Хочу сообщить заранее: в психиатрию я не верю, психиатрам не доверяю, а психоаналитиков и вовсе считаю мошенниками. Не трудно догадаться, насколько мучительным был мой визит, к тому, кто намеревался расчленив мой мозг на куски, пытаясь добыть стусок информации, приведший к мнимой депрессии. Я постучалась в дверь, мне никто не ответил. Тогда я легко нажала на ручку, она бесшумно опустилась, дверь подалась вперед, пропуская в интимную глубину затемненного кабинета. Помещение меня потрясло. Это был не кабинет – кукольный домик, которого у маленькой Алисы никогда не было. Вся обстановка явила себя в нереальном, почти сказочном свете. Современные подростки сказали бы, что она выглядит

«мимишно». Уютные ярко-оранжевые стены приглашали влипнуть в них лицом, распластать тело, не отпускать. Какие-то вини-пухи и пяточки еле заметно, расплывчато, точно в воду опустили кисть с акварелью, посматривали на меня. Красочные картины с видами летней природы, почему-то под самым потолком, радовали глаз. Это я потом поняла, что лицезреть их приятнее всего лежа на спине. У стен по обе стороны вальяжно расселись два мягких дивана, на них разбросалось множество игрушек и подушечек. У окна, поделенного вертикальными линиями на лимонные и белые полосы, пестрело жалюзи, аппетитно напоминая слоеный торт. Чуть дальше находился стол без единого угла, за которым сидела маленькая женщина, элегантно забросив стройные ножки в легенсах одна на другую. Она подперла острый подбородок крошечным кулачком и, улыбаясь, осматривала меня. Я испытала неловкость: мои шлепанцы и костюм выглядели комично на фоне ухоженной зрелости.

– К вам можно?

Я старалась не встречаться с ней взглядом. Глаза доктора были острыми и живыми, казалось, у них есть невидимые пальцы, длинные, тонкие, готовые ощупать меня до самых костей.

– Конечно, прошу, садитесь!

Женщина встала из-за стола, я заметила, что ростом своим она невелика, если мы окажемся рядом, то она едва дотянется своей макушкой до моего плеча.

Я присела на краешек дивана с левой стороны кабинета, как можно ближе к двери, оставляя себе возможность в любую минуту удрать от пытливых глаз.

– Давайте знакомиться! – женщина сделала несколько шагов по направлению ко мне, выставив вперед руку. – Я – Светлана! А вы?

– Алиса Павловна, – ответила я, отчеством своим ограждаясь и от хитроумных уловок психотерапии и от протянутой руки.

Она расхохоталась.

– Алиса, зачем же так официально? В первую очередь мы должны подружиться! Я вам нравлюсь?

– Ну...

Я вела себя странно: вместо того, чтобы отвечать, смотрела по сторонам, замечая все мелкие детали. Возле дивана, на котором я сидела, стоял совершенно белый круглый чайный столик, на нем – синяя коробка с бумажными язычками салфеток. Они были слегка вытянуты, упрасивая разреветься в голос, исповедоваться перед Светланой, громко сморкаться не в кулак, а в них, мягких, пахнущих лавандовыми полями. Чуть дальше стоял еще один столик с кофейником, фарфоровыми чашечками и дольками мармелада, как бы невзначай рассыпавшимися яркими разноцветными пятнышками. Мне показалось, что я уменьшилась в размере, помолодела лет на двадцать. Моя одежда, внешний вид, тонкий шнурок рыжих волос вдруг так неожиданно и гармонично вписались в уютную, располагающую к эмоциям атмосферу. Во всей этой обстановке не хватало только кролика и чеширского кота. Даже имя мое соответствовало заданной сказочной теме.

– Нет, вы меня осмотрите внимательно и скажите, я вам нравлюсь?

Голос Светланы доносился из другого мира, сладкий, ласкающий. Я погружалась в мягкую воздушную вату. Она села на диван напротив меня, колени ее и носочки туфель смотрели в мою сторону, этот прием мне хорошо знаком. Пытаясь не встречаться с ней взглядом, я для приличия кивнула, хотя вовсе не понимала, чего она от меня хочет и о какой симпатии говорит.

– Отлично, – сказала Светлана, – вы мне тоже нравитесь!

На ее глазах появились слезы. Она наклонила голову сначала влево, потом вправо, как бы принаравливаясь ко мне. В этот час, я знала это точно, ибо на четвертом курсе готовила студенческую работу о психотерапии, Светлана воображаемо качала меня на руках, как младенца. Как чужое дитя, которое она пыталась полюбить, чтобы помочь. Пока она нянчилась со мной мифической, я ее изучала. Темные волосы, модная короткая прическа, чайные глаза, малень-

кая, очень стильная. Острые колени едва не прорывали черные легенсы. Водолазка мышинового цвета просвечивала ребра. Их можно даже сосчитать! И такое же отсутствие женской груди как у меня. На спинке стула повисло кремовое пончо, так ловко подчеркивающее бледную кожу и алые губы Светланы. Я сразу представила его на этой маленькой женщине, пончо ей шло. Да, пожалуй, она мне нравилась.

– Ну, что же, – через минут пять начала Светлана, – я вижу, у тебя депрессия.

Переход на «ты» смутил меня, я героически сдержалась, хотя столь грубое внедрение постороннего человека в мою сокровенность было похоже на насилие, на надругательство.

– Что ты чувствуешь?

– Я?

Вопрос поставил меня в тупик: не потому, что был задан бестактным образом, а потому, что за все это время со статьей об изъятых органах впервые кто-то проявил любопытство к моим чувствам.

– Одиночество, я очень одинока, никому не нужна, меня использовали!

Я извергла из себя то, что все эти дни испытывала, чем надрывалась, о чем думала. Эмоции, наконец, нашли выход. Я посмотрела на лавандовые салфетки – не сработало – плакать никак не хотелось, хотелось злиться и кричать.

Светлана одобрительно кивнула мне, и я продолжила свою гневную тираду. Не знаю, зачем я доверялась ей. Это был обыкновенный человек, такой же, как и я, со своими проблемами и страстями, но тогда она была для меня иконой. Я точно стояла на коленях со свечой в руках, совершая свою первую в жизни исповедь. Нет, я не верила Светлане, как и в статью, которую писала, но мой разум заволакивал туман, я хотела верить хоть кому-нибудь, хоть в кого-нибудь.

– Алиса, ты чувствуешь расщепление? – вдруг неожиданно спросила она меня.

Не того вопроса ожидало мое истерзанное душевное состояние, но... Ответила я резко, скоро.

– Да! – для меня самой это «да» прозвучало облегчением, словно я ждала много лет уточнения своей половой принадлежности. Меня никогда не спрашивали о расщеплении, а я так этого хотела. Долгие годы я терзалась тайнами своего происхождения, точно тысячи червей пожирали меня изнутри. Во мне было то, что принадлежало отнюдь не женскому миру.

– Да! – я кричала. – Алиса! А – точка, Л – точка, И – точка.

– Давай уберем все точки, – ласково сказала Светлана, – просто Али.

– Да, – я выдохнула, наконец-то, «да».

– Али – это есть мужское начало в тебе, не бойся его, это твоя сила, гордость, напор, желание быть в этом мире, стремление иметь не только обязанности но и права.

Все, я ее любила! Она рассмотрела во мне то, что я сама боялась рассмотреть, более того, так смело произнесла вслух, назвав вещи своими именами. Мне стало легко. Я мужик! Борец! Я есть сила! Я есть стремление! Я есть свершение своих желаний! Кажется, психиатрия – это добро, недооценила я самую важную, самую значимую область медицинского познания человека.

Мне захотелось еще много ей рассказать, чувства бурлили во мне как кипящий бульон в кастрюле. Однако Светлана посмотрела на свои крошечные часики, которые прятала в кармане пончо, и сообщила, что сеанс подошел к концу. Мне показалось, будто я была угощена желто-белым тортом, должно быть, ванильно-лимонным. Сначала передо мной поставили все лакомство, потом, подумав, отрезали один кусочек, и, едва я к нему притронулась, отобрали и это. Я насладилась только крошкой. Но как же вожделенна она была для меня! Я непременно снова приду, чтобы опустошить предложенную мне тарелку.

Напоследок Светлана выписала антидепрессанты, которые я должна была купить сиюминутно в аптеке клиники, и назначила визит через два дня, но уже на групповую терапию,

так как мне необходимо бороться с отстраненностью от социума, вызванного увольнением с работы. А также вручила направление на лечебную физкультуру. Я раскланялась, наговорила кучу нелепых комплементов и побежала с рецептом в аптеку. Жизнь налаживалась, я полюбила своего психотерапевта. Теперь я поклонялась психотерапии, а психоаналитиков возвела в ранг святых, несмотря на то, что религия до сего момента была от меня так же далеко, как и лечение души. Мой Али, нашел выход в свет не только в виде псевдонима, но и в качестве второй половинки человеческого существования, а это было важнее предубеждений.

Глава 4

Накануне визита на групповой сеанс мобильный аппарат, молчавший долгое время, подал жалобные сигналы. Я лежала на кровати под капельницей, досчитывая последние янтарные капли, которые должны были освободить мое тело от ненавистной системы. Целых два дня я ждала встречи со Светланой и трепетала от невыносимости того, что познакомлюсь с подобными себе. Все физиологические болезни я отмела за одну бессонную ночь, уверовав в психосоматику. Теперь никто никогда меня не переубедит: болезни кроются исключительно в голове. Мои одноклассники по психотерапии не находились в этой больнице, брали платные сеансы, тем интереснее они являлись для меня.

Телефон зазвонил настолько неожиданно, что я должна была испугаться. Но со мной этого не произошло. Уже второй день я принимала антидепрессанты, делавшие меня спокойной и миролюбивой. Большого эффекта не было, он должен был наступить только недели через три.

Я посмотрела на экран. Номер был мне незнаком. Лево́й, свободной от капельницы рукой, я поднесла его к уху.

– У аппарата...

– Лиска, ты? Неужели дозвонился?!

Голос в трубке трещал, я не знала его.

– Кто это? – равнодушно уточнила я.

– Толя, Анатолий Валерьевич! Совсем позабыли своего одноклассника вы, Алиса Павловна!

– Толик ты?! – я подскочила, резким движением вырвала иглу из вены. Кровь в одночасье брызнула, запачкала пододеяльник.

– Ах ты, черт! – выругалась я! – Будь она неладна!

Вид крови не произвел на меня никакого впечатления. Толик заботил меня гораздо сильнее, нежели возможность истечь красными каплями эритроцитов и тромбоцитов.

– Алиска, Лисонька! Мало времени! – трещала трубка. – Мне столько тебе нужно рассказать!

Действие таблеток резко отпустило, по коже побежали сотни взбешенных муравьев. Это был не простой звонок от человека, с которым я давно не виделась, мне звонил сам Толик из настоящего пекла, на которое отважился после истерики на моем балконе.

– Толя, откуда ты звонишь? – я предусмотрительно убавила тональность голоса, начала шептать в отверстие динамика мобильного аппарата, боясь быть услышанной и заподозренной в новом страшном заговоре – теперь уже не против клиники и врачей, а куда серьезнее – против национальной безопасности.

– Алиска, не мне тебе объяснять! Как ты? Еще не нашла работу? Приезжай ко мне, я все устрою, хорошие деньги! Только опасно... Ты где сейчас?

– В больнице...

Треск в трубке усилился. Голос Толика стал еле различим.

– Что? Алиса, говори громче. Чем ты занимаешься?!

– Неважно, это не главное! Как ты? Пишешь о войне, а сам-то целый? – я забыла о конспирации, стала кричать.

– Целый, но уже успел оказаться под градом!

– Под градом? Значит у вас дожди? А у нас тепло, солнце...

– Не под тем градом, Лисонька, совсем под другим. Вообрази, вчера блокпост и жилой микрорайон обстреляли из систем залпового огня. Люди погибли...

– Как же так, Толик?!

У меня перехватило дыхание. И это мне говорит Толик, маленький подозрительный человек. Он говорит не о надоях, не о питательности яиц, производимых местными пеструшками, а о системах залпового огня, о смертях.

– Толик, страшно же! Как ты держишься?

– Не паникуй, Алиска. Нам ли бояться!

– Все шутишь, Толик, а если начистоту?

– А если серьезно, Алиса Павловна, то мне, может быть, всего этого так долго не хватало. Здесь все по настоящему: жизнь, смерть, люди, истины. Черное – это черное, а белое – никак не голубое. И журналистика настоящая, нужная. Подлость не прячется под маской добродетели, и я больше не прячусь за мнимыми талантами. Делаю то, что у меня получается. Ну а смерть... Так она и дома может в любую минуту настичь. Вспомни нашу редакцию, сто раз зимой под огромными сосульками пробегали. Бах – нет человека! Понимаешь? Приезжай!

– В этом ты прав...

Треск прекратился. Мир затих. Сейчас в нем существовал только голос Толика, далекий и близкий. Я ухватилась за него, как за тонкий волос, тянущийся из блиндажей, землянок и окопов нашего двадцать первого века. Какой бы страшной ни была правда, описанная Толиком, но все же она была настоящей чистой правдой жизни, где не нужно сочинять, высасывать факты из пальцев, притворяться.

– Но все-таки, почему ты?

Вопрос был глупым, я задала его лишь для того, чтобы не потерять голос Толика.

– Потому что я. И все! Надумаешь, звони по этому номеру, будем работать в связке. Нам с тобой все равно терять нечего: ни семей, ни детей.

– Я позвоню, Толик, обязательно позвоню!

Я обещала позвонить, но все еще была убеждена, что никогда не рискну отправиться в зону боевых действий. Не потому что трушу, а потому что не вижу в этом необходимости. Зачем, там и без меня хватает корреспондентов: опытных, подготовленных, увлеченных своим делом! И, конечно же, их совесть не запятнана фальшивыми журналистскими расследованиями! Но внутри, в области злосчастной аорты, шевельнулся огромный червь. Он выгрызал меня, желая выбраться наружу, извлекая вместе с собой спрятанные сомнения. А может попробовать? Рискнуть? Вся моя жизнь до сего момента была ложной, вымышленной. Я занималась журналистикой, но то была игра в журналиста. А ведь еще на первом курсе мечтала о том, что сейчас реализовывал Толик. И что в итоге? Толик – под градом, а я в укрытии стен клиники. Тепло, уютно и безопасно. Спряталась от себя самой. Всю свою жизнь искала поводы не встречаться лицом к лицу с реальностью, ни когда увлекалась биологией, ни потом, когда увлеклась силой слова. Именно, увлекалась! А нужно было жертвовать собой ради профессии, совершенствоваться в мастерстве! В «Зореньке» столько лет мирно отсиживалась, чтобы тешить свое самолюбие и прикрывать хобби изнанкой мнимой значимости. Теперь же, после беседы со Светланой, а затем с Толиком, мне нужно было обрести новый смысл, истинное занятие, которое стало бы предназначением, служением и самопожертвованием.

На группу я пошла ватная. В переносице ломило, уши закладывало. Что я делаю здесь? Для чего нахожусь в этой больнице, когда там Толик, люди, залповый огонь, и падает с неба град, о котором без умолку говорят в новостях, но никак не в прогнозе погоды! Кто делает новости экстренными, тревожными?! А делают их самые обычные «толики»! Может быть, и я могла бы... Может быть, появилась бы необходимость и моего присутствия под залповым огнем?

– Алиса! – меня окликнули сзади. – Заходи в кабинет! Что стоишь перед дверями?!

Я будто проснулась. Перед глазами всплыла металлическая табличка кабинета психотерапии. Моя рука покоилась на дверной ручке. Сколько я так простояла?

– Входи, смелее, девочки уже собрались! – в мою сторону двигалась хрупкая фигурка Светланы.

Я обернулась. Сегодня под грузом собственных мыслей Светлана не показалась такой милой как в первый прием. Очарование знакомства с психотерапией вдруг исчезло. Рассудок твердил, что это тоже фальшь, очередная игра. Но Светлана, приблизившись, ласково подтолкнула меня под локоть. И я подчинилась. Тут же за сомнением в психотерапии пришло разочарование в себе. Светлана выискала во мне мужское начало, дала свободу Али, который теперь, будь он немного устойчивее, рискнул бы ехать вслед за Толиком, а я неблагодарно усомнилась в ее профессии.

Я вошла в кабинет. Обстановка в нем изменилась. В центре стоял белый чайный столик. Пыхтел кофейник, звякали ложечки. Вокруг были расставлены шесть стульев, образуя идеальную геометрическую фигуру, напомнимшую мне ведьмин круг. Хаотично раскидались белые пледы по спинкам стульев и полу. В них кутались четыре женщины. Эти женщины принадлежали другому миру, о котором я писала, но никогда в реальности не соприкасалась с ним. Сытые лица, уверенные взгляды, золотые локоны. Думаю, мои одноклассницы никогда не знали нужды, им не приходилось обглаживать кости, которые подбрасывала жизнь, как это часто делала я. Их ухоженные ножки, пальчики рук не обозначили вены, а у меня варикоз с двадцати лет. Я не была одной из них, и они это видели. Смотрели на меня брезгливо, скривившись, хотя во имя Великой Светланы и пытались растягиваться в деланных улыбках. Отхлебывали из чашечек кофе, ловко закидывали в красные, хищные рты дольки цветного мармелада. Женщины мне не понравились. Я стояла у входа, не решаясь войти в круг стульев и белых пледов.

– Девочки, знакомьтесь, это Алиса, пятый и последний член нашей группы. Теперь мы в сборе и мы можем приступать.

Я догадалась: сеансы платные. Пока я нахожусь в клинике, с меня не возьмут и гроша, а потом, как только я запутаюсь в сетях психотерапии, как только я подсяду на Светлану как на сладостную иглу с героином – буду платить. Понять это два дня назад мне было не суждено. Возможно, я не понимала бы этого и сейчас, если бы не звонок Толика. Он, как грубая пощечина, отрезвил меня. Но, пока еще не смея спорить со Светланой, я кивнула, нехотя улыбнулась и села на один из двух пустых стульев. Рядом опустилась Светлана.

– Девочки, – продолжила она, – Алиса новенькая, давайте ее поприветствуем.

– Здравствуй, Алиса, – дружно промурлыкали женщины, не выпуская из рук чашечки с кофе.

– Алиса у нас журналист, она попала в неприятную ситуацию, и мы должны помочь ей преодолеть социальную отстраненность.

«О боги, что она говорит! – я покраснела. – Кто дал ей право обнажать меня перед совершенно чужими людьми?! Неужели еще утром я желала оказаться среди напудренных кукол, рты которых, не переставая, тискали мармеладные дольки?!» Мне было некомфортно, противно.

– Журналист, как мило! – снова услышала я хоровой возглас.

– Да, девочки, согласитесь, что это здорово – наши ряды пополнил творческий человек. А теперь давайте каждый расскажет о себе. Мы с вами знакомы, но Алиса должна узнать каждую из вас поближе. Итак, начнем с Наташи. Наташа, поведай Алисе, кто ты и с чем пришла, а также объясни, с какими переживаниями борешься.

– Хорошо, – глаза Наташи, сидевшей напротив меня, влажно заблестели.

Я видели, блеск вызван никак не набежавшими слезами, а страстным желанием оказаться в центре внимания.

– Я Наташа, мне сорок, у меня депрессия. Мне очень одиноко. Муж в постоянных командировках, дети не радуют меня.

– И когда же, Наташа, все это началось? – уточнила Светлана.

Я догадалась, что все свои уточнения, она проговаривает Наташе в сотый раз, а Наташа в сто первый терпеливо поясняет.

– Как только родился первый ребенок, я ощутила, что теперь всем должна, все от меня чего-то ждут. Муж, младенец, мои родители, социум, наконец. То, что я могла делать до деторождения, сейчас начало вызывать возмущение близких мне людей и общественное осуждение. Сначала я протестовала, пыталась сопротивляться, а затем смирилась. К ребенку подходила машинально, совершала все необходимые действия, кормила, купала. Но мое сердце молчало. За смирением пришло гнетущее чувство одиночества, усталость. Потом родился второй ребенок, мое отчаяние усилилось. Мне казалось, что молодость закончилась и счастье, и беззаботность тоже. Я должна уступить место в этой жизни новым людям, а себя заточить в четырех стенах. Муж стал холоден ко мне, я не смогла лавировать и впала в депрессию. Теперь мне лучше, сеансы позволяют чувствовать себя нужной, девочки заменили семью... Правда, дети по-прежнему не радуют...

– Зачем же тогда было рожать второго ребенка, если с первым вы развязали холодную войну? – не выдержала я.

– Ну как же? – Наташа хлопала накладными ресницами в густых комочках туши. – Ну как же? Детей нужно рожать!

– Это кто вам сказал? – я была взбешена. – Кому нужно? Чтобы потом их попросту игнорировать?

До чего же я презирала подобных расфуфыренных женщин, ждущих чуда от деторождения, а потом вдруг осознавших, что дети – это не их тема, убегающих от действительности, а вместе с ней и от несчастных нелюбимых детей в бутылочное горлышко «Джек Дэниелс», либо в баночку волшебных нейролептиков.

– Алиса, – Светлана смотрела на меня с жалостью, – зачем ты так, мы друзья, не нужно упрекать, не стоит. Простите, девочки, – обратилась она к женщинам. (Они надули губки, вернули на стол чашечки) – Алисе сейчас тяжело, но она найдет в себе силы, чтобы проработать свой гнев. Гнев – это эмоции. Мы рады, Алиса, что ты их испытываешь. Мы рады, девочки?

– Мы рады, Алиса!

Я замолчала. Пристыжено вжалась в свой стул, решила больше не отвечать, не выкрикивать, не цитировать.

Монолог Наташи закончился. Подхватила инициативу исповедей Катя, за ней была Доминика, а после Диана. Сюжеты рассказов явились однотипными и лишенными красок: скучающие домохозяйки, ищущие возможности привлечь к себе внимание мужей. Я не могла их понять, возможно, просто не хотела, даже не делала попыток вникнуть в слова. Что могло быть у нас общего? Ничего! Совершенно ничего! Они не знают нужды, никого не любят кроме себя, им не нужно сбивать ноги в поисках куска хлеба. А я? Мне постоянно приходится хлопотать о завтрашнем дне, которого, как ни странно, у меня нет, ибо я не знаю, что будет, когда выпишусь из клиники. У меня нет работы, нет средств к существованию, у меня вообще ничего нет, кроме вымышленного Али и Толика под залповым огнем. Слушая и не слушая своих новых знакомых, я могла только тяжело вздыхать.

После сеанса Светлана отозвала меня в сторону:

– Тебе неловко, Алиса?

– Да, – кивнула я, – группы это не мое.

– Тебе так только кажется, – улыбнулась она, – это первое групповое занятие, все проходит через его тяготы. Привыкнешь, научишься озвучивать свои боли, тревоги. Девочки поддерживают тебя, поверь мне, они комфортные. Кстати, ты ходишь на лечебную физкультуру?

– Еще нет, – нехотя ответила я.

Мое тело мучила невыносимая тяжесть, мне хотелось сиюминутно вернуться в палату, забраться под одеяло, получить горсть таблеток и уснуть.

– Вот оно, вот! – вскрикнула Светлана, точно нашла причину всех моих гневных выпадов на сеансе.

– Непременно завтра же иди на физкультуру, увидишь, станет легче! Не только душевно, но и физически. И еще! Знаешь ли ты правило РПП?! Я убеждена, что именно к тебе, как ни к кому другому, оно применимо!

– Это что-то вроде РПП? Расстройство пищевого поведения? Так у меня с детства аппетит плохой.

– Нет, Алиса, РПП – значит раскрыть потенциал, реализовать потенциал. Твой потенциал еще не раскрыт. Поэтому ты гневаешься. Отыщи его, узнай, на что способна, чего действительно хочешь – и двигайся вперед. Только вперед, понимаешь?

– Кажется, да, – мои щеки покраснели. Опять вернулась неловкость и вина перед Светланой, она со мной так возится, а я все время пытаюсь бодаться.

– Это хорошо, что понимаешь! Поверь, милая, тебе очень важны групповые занятия, потому даже не сопротивляйся. Завтра же – на лечебную физкультуру! Увидишь, сколько новых интересных людей окажется во власти твоего внимания. Договорились?

– Да! – согласилась я.

Мне снова казалось, что Светлана во всем права, и если я буду ее слушаться, то моя жизнь непременно наладится.

Глава 5

Как ни предрекала мне Светлана визит на лечебную физкультуру, как ни настаивала, а все же он не состоялся, ибо двумя последующими днями были выходные. Кабинет лечебной физкультуры оказался закрыт на замок, физкультгруппы отдыхали, зато во всю трудились мой лечащий врач Петр Алексеевич и местный парикмахер, слывший «волосных дел масте-ром», старый добрый еврей Лев Борисович. Я решила осчастливить его своим жалким рыжим шнурком. Делать было нечего, никаких процедур на эти дни назначено не было. Но не только от праздности и безделья я отправилась навестить местную парикмахерскую, всему виной и причиной был мой доктор Петр Алексеевич. Мне казалось, что я ему нравлюсь. Заниматься подобными любовными глупостями я не привыкла, но здесь, в клинике, Петр Алексеевич был единственным мужчиной, с которым я общалась, а посему, волей не волей, тоже стала поглядывать с интересом на него. Чтобы он мог рассмотреть во мне не только пациентку, но еще и обольстительницу, мне непременно захотелось привести свой внешний облик в соответствие с мировыми представлениями о красоте. И если от спортивного костюма я избавиться в этих стенах не могла, то придать волосам блеск и шелковистость вполне имела возможность. Поистине, тогда я предположить не могла, что вызывала любопытство со стороны доктора лишь потому, что была журналистом. Едва жизнь забросила меня в иную сферу профессиональной деятельности, как от былой нежности и заботы не осталось и намека, лишь холод и пренебрежение. Все это станет после, после того, как я изменю самой себе.

Но тогда, еще не ведая, что будет со мной дальше, не предполагая, чем смогу заниматься кроме написания текстов, я вошла в помещение, отведенное под парикмахерскую. Мне было немного не по себе, позволить кому-то рыться в моих волосах я доверилась впервые. И что греха таить, в моем сердце поселилась зависть. Я не уважала напомаженных кукол из своей психотерапевтической группы, однако они явились укором неопрятной внешности, которую я так долго маскировала под громким словом стиль.

Помещение отдаленно напоминало светлицу красоты. Видимо, раньше то была процедура. Здесь на стенах, полу обозначилась ровными мелкими квадратами белая неуютная плитка. В некоторых местах она потрескалась, швы между квадратами были грязными, замусоленными несвежими половыми тряпками. Едко пахло хлором и еще чем-то, от чего у меня сиюминутно случился приступ кашля. У незанавешенного окна стоял маленький круглый человек. Когда я вошла, он обернулся, его глаза, добрые, располагающие, тепло улыбались. На вид ему было под семьдесят, плавные движения головы, неспешных рук странным образом действовали на меня завораживающе, захотелось довериться их обладателю, позволить касаться шеи, волос, плеч. Парикмахер был похож на сытого холеного кота.

– Ах, какая сударыня к нам пожаловала, – Лев Борисович довольно потер ладони, – входите, милейшая, я вам рад!

Он говорил, осматривая меня с ног до головы, а мне все больше чудилось, что парикмахер – настоящий кот, его голос был похож на довольное урчание, какое только могут издавать старые коты, наевшиеся всласть жирной деревенской сметаны.

Лев Борисович усадил меня в кресло, ощупал волосы, легким движением стянул резинку.

– Нет, милейшая, так совсем не годится, – мурлыкал он, – это, простите, ни в какие ворота... Вы же женщина... Если позволите, я все исправлю, у меня и краска есть! К чему столь унылые тона? И челка, непременно будем делать густую челку, как у лошади, извините за сравнение, вам пойдет!

Я кивнула, было приятно довериться умным рукам. О чудесах творившихся этими руками я слышала не однажды от санитарок. Лев Борисович очень давно работает в клинике, к нему спешат не только пациенты, но и весь медперсонал. К тому же ночами парикмахер тру-

дится в морге, это я тоже узнала от санитарок. Наводит лоск покойникам. Кстати, именно этот вид деятельности озолотил мягкие руки парикмахера.

Пока Лев Борисович так и этак вертел мою голову, обмахивал лицо полотенцем, стриг, окрашивал, я думала о зданиях клиники. Как все же они разнятся! Сама клиника состоит из двух огромных сооружений, именуемых старым корпусом и новым корпусом. Они соединены между собой стеклянными тоннелями, но таким странным образом, что потеряться в их лабиринтах очень легко. Моя кардиология расположилась в новом здании, как впрочем, и кабинет психотерапевта Светланы. Парикмахер Лев Борисович, массажные кабинеты и лечебная физкультура находились в старом, убогом, обшарпанном здании. Я сидела под дождем касаний ласковых пальцев, рассуждая о том, что, должно быть, не только мне с Толиком, но и представителям всей городской прессы, этот корпус не показывают, стесняются. Действительно, главврач выгодно смотрелся, давая нам интервью, на фоне нового аппарата МТР в благоустроенном здании клиники. Моя экскурсия к кабинету лечебной физкультуры, замершей до понедельника, окончилась потерей меня самой. Благо добрая старушка из первой терапии объяснила, как выбраться из лабиринтов разукрашенных зайцами, мечтающих об оранжевой моркови, и добраться в новый корпус. Предусмотрительно она показала мне дверь парикмахерской. Я не знаю, как догадалась она о моем намерении посетить всемогущего Льва, но, скорее всего, рыжие, похлывые как осенняя листва, волосы даже пожилого человека не смогли оставить равнодушным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.